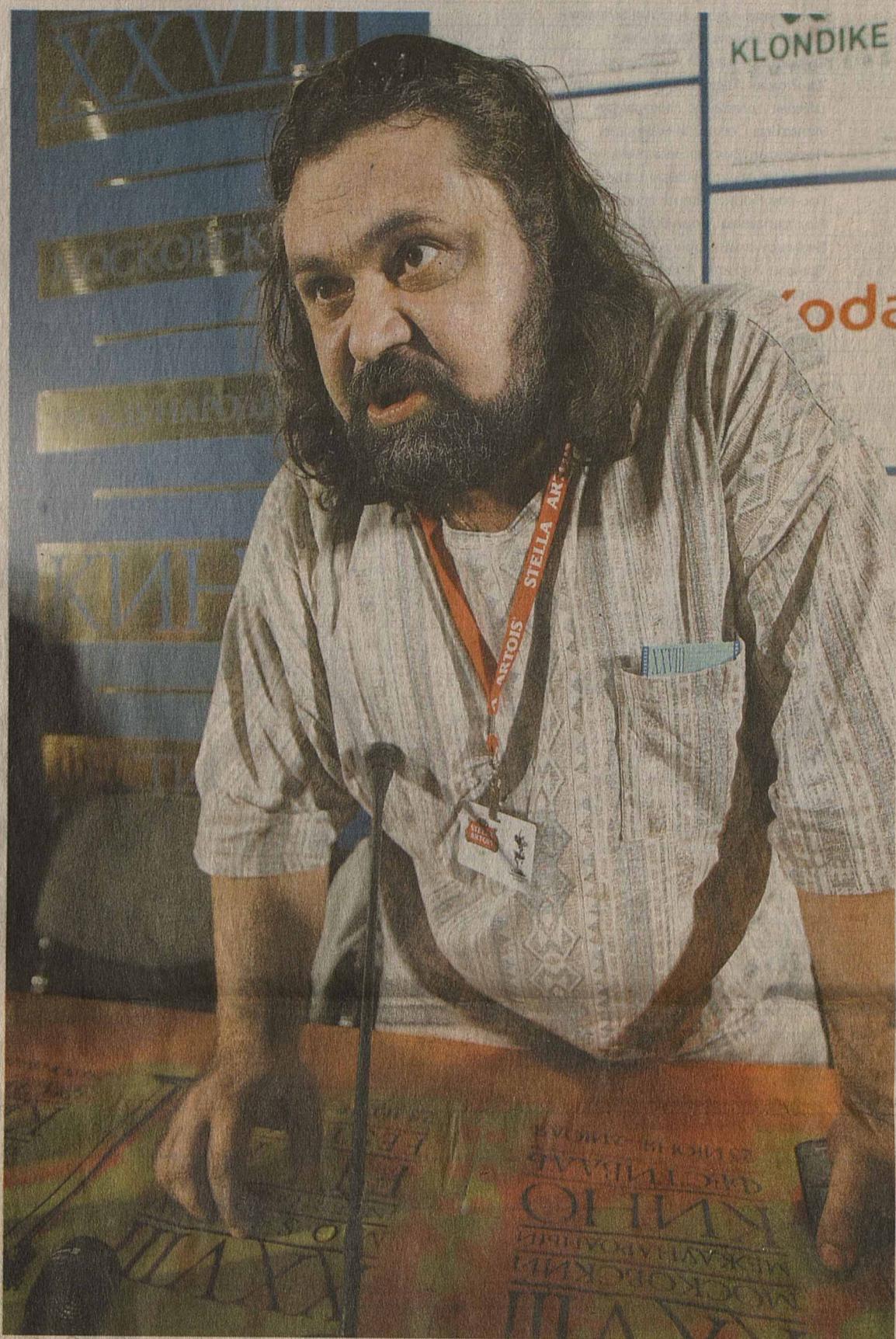

Независимая пресса - 2006 - 30
июня - с. 12

Правда о червях

Режиссер единственного отечественного фильма в конкурсе ММКФ Алексей Мурадов пытается бить зрителей по почкам

Алексей Мурадов хочет напомнить людям, что такое боль.

Фото Артема Житенева (НГ-фото)

Екатерина Барабаш

В конкурсной программе Московского кинофестиваля – один российский фильм: «Червь» Алексея Мурадова о сотруднике ФСБ, неожиданно ударившемся в бега. На протяжении картины герой мечется между попытками сохранить свою честь и предательством. Хепши-энда здесь нет. Честь в процессе нравственных метаний не удерживает своих позиций. Алексей Мурадов пришел в художественное кино поздно, когда ему было почти сорок. «Червь» – четвертый его художественный фильм. До этого были «Змей», «Правда о щелках» и телесериал «Человек с войны». За «Змея» – картину о человеке, приводящем в исполнение смертные приговоры, чтобы иметь воз-

Грязную энергию человек потребляет с гораздо большим удовольствием, чем чистую

можность продлить жизнь сыну-инвалиду, – режиссер получил множество наград на различных международных кинофестивалях и был номинирован на одну из самых престижных мировых кинопремий – премию Европейской киноакадемии, после чего был принят в ее члены. На сегодняшний день Мурадов – один из самых интересных российских режиссеров.

– Алексей, если честно, практически никто из смотревших фильм не понял отправной точки сюжета фильма.

– По сюжету герой фильма сотрудник ФСБ, работает в том ее отделе, что контролирует интернет. Дело в том, что интернет-пространство долгое время оставалось без внимания, потом его взяла под контроль, привлекли талантливых людей. В результате любое интернет-пространство принадлежит США, которые легко могут взломать и ваш, и мой, и чей угодно почтовый ящик – и все что угодно. И наши спецслужбы сильно этому поспособствовали. И когда герой понимает, что работает, оказывается, не на своих, ударяется в бега.

– Однако в фильме совершенно непонятно, зачем он куда-то бежит. Разве нельзя было объяс-

нить это еще в начале фильма, чтобы зритель не ломал голову?

– Я думаю, что не всегда нужно рассказывать о главном в лоб. Если бы мы с самого начала объяснили, что к чему, пришлось бы делать детектив с погонями, стрельбой и прочими атрибутами. А это не входило в мои планы. Так что мы в каком-то смысле намеренно запутали зрителя.

– Не кажется ли вам, что вы никак не можете избавиться от влияния Германа? В том числе и в том, чтобы зритель не сразу все понимал.

– А зачем мне избавляться от Германа? Герман – это абсолютная правда, ни в одной его картине вы не встретите ни грамма вранья. Он мне когда-то сказал: если хоть в одном кадре глаза артиста врут – фильм не получился. Я стараюсь следовать этому принципу. Например, я никогда не провожу проб. Когда ко мне приводят актера, я смотрю в его глаза и сразу понимаю, врут эти глаза или нет. Если не врут – я сразу утверждаю артиста на роль. В моих фильмах вы не встретите ни одного знакомого лица. Я вообще не пытаюсь привлекать в свои картины «медийные», знакомые лица, кочующие из фильма в фильм, из сериала в сериал. Такие актеры не смогут сыграть так, как мне надо, они уже заклишированы. К тому же я не допускаю, чтобы одновременно со съемками в моей картине актер снимался где-то еще. Мне надо, чтобы артист проживал жизнь вместе с картиной. Как я сам.

– Но вы же понимаете, что прокатного и коммерческого успеха у вашей картины не будет?

– А он мне и не нужен сейчас. И продюсеры это прекрасно понимают, они сразу сказали, что их не интересует коммерческий итог. Главное – сделать хорошее кино. Я пятнадцать лет работал на телевидении и от слова «рейтинг» меня тошнит. Телевидение – это жизнь, точнее, ее пена, а кино – это человек. Мне интересен сам человек, а не та пена, что клубится вокруг него. Я пытаюсь идти даже не против течения, а поперек него, я совершенно не хочу развлекать зрителя. Людей надо не развлекать, а бить по почкам.

– Слышать такое от художника несколько странно. Впрочем, от всех ваших фильмов мороз по коже. Это вы так бьете по почкам? И зачем?

– Люди забыли, что такое боль. Особенно чужая. Словно инъекцию против боли ввели. Грязную энергию человек потребляет с гораздо большим удовольствием, нежели чистую. Я хоть как-то пытаюсь это переломить, а чтобы это переломить, боль надо показывать подлинно, по-настоящему.